

Масштабы влияния пандемии на экономику стран – нетто-получателей денежных переводов^{1, 2}

К.А. Бондаренко

Бондаренко Ксения Андреевна – экономист департамента исследований мировых рынков ООО «Анкор ФинТек»; Российская Федерация, 115280, Москва, ул. Ленинская Слобода, д. 19; преподаватель, аспирант факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; Российская Федерация, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20; E-mail: xenabondarenko@gmail.com

Пандемия COVID-19 подрывает положение трудовых мигрантов за рубежом, так как именно отрасли с высокой концентрацией мигрантов оказались под наибольшим давлением из-за введения ограничительных мер. Данный процесс привел к массовому росту безработицы среди мигрантов и, как следствие, к снижению объемов денежных переводов. Для стран – нетто-получателей денежных переводов это становится дополнительным фактором давления на динамику их ВВП, платежный баланс и бюджет, а также ведет к росту бедности населения.

Данная статья позволяет оценить влияние пандемии и связанного с ней экономического кризиса на масштабы сокращения денежных переводов мигрантов в странах-получателях, а также определить роль международных финансовых организаций в смягчении возникших проблем. В странах Центральной Азии и Южного Кавказа (кроме Азербайджана) объем финансирования, выделенного МВФ и Всемирным банком, покрывает около 9–20% от общего объема переводов. Этой поддержки может быть недостаточно вследствие ожидаемого падения трансфертов, снижения доходов от туризма и общей слабости экономической активности, а распределение ресурсов может быть малоэффективным из-за низкого качества их государственных институтов. Странам Европы со средним и низким уровнем развития МВФ и Всемирный банк выделили более 7,7 млрд долл. США для поддержания экономики, благосостояния населения и финансирования внешнего и внутреннего дефицита, из них 5 млрд долл. США – новое соглашение Украины с МВФ в формате Stand-By. За исключением Украины, Македонии и Болгарии (последней кредиты и гранты пока не были предоставлены), для исследуемых стран Европы коэффициент покрытия варьируется от 2 до 18% по отношению к объему переводов, полученных в 2019 г.

Таким образом, оценки динамики ВВП в странах – получателях денежных переводов по итогам 2020 г., предложенные МВФ и Всемирным банком, могут быть недооценены на фоне недостаточной финансовой поддержки. Дополнительное давление может оказать продление и/или ужесточение карантинных мер, неопределенность в восстановлении привычного ритма активности потребителей и производителей, а также сроки возобновления мигрантами их трудовой деятельности за рубежом.

Ключевые слова: миграция; денежные переводы; макроэкономика; COVID-19; международные гранты и кредиты; ЕАЭС; Узбекистан; Европа

Для цитирования: Бондаренко К.А. (2020) Масштабы влияния пандемии на экономику стран – нетто-получателей денежных переводов // Вестник международных организаций. Т. 15. № 3. С. 109–128 (на русском и английском языках). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-04

¹ Статья поступила в редакцию в июне 2020 г.

² Автор выражает благодарность Л.М. Григорьеву, М.В. Ларионовой, М.И. Рудакову и рецензентам научного периодического журнала «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика» за предоставленные комментарии и помощь в подготовке настоящей статьи.

Введение

Распространение пандемии нового типа коронавируса стало причиной глобальной рецессии в 2020 г. [Григорьев и др., 2020]. Существуют большие расхождения между различными странами по статистике заражения COVID-19, что ставит под сомнение качество данных, то есть реальный масштаб эпидемии может быть выше [Duarte et al., 2020]. В мае многие страны начали постепенно снимать карантинные меры. В ряде стран мира и в некоторых штатах США ограничения были сняты слишком рано, что вызвало увеличение числа новых случаев заражения в июне и начале июля. Осенью в большинстве стран мира началась вторая волна заражений, которая оказалась гораздо масштабнее первой.

Неопределенность относительно масштабов влияния коронавируса на экономическую активность все еще остается высокой [Barro et al., 2020]. Согласно предварительным оценкам, из-за пандемии в 2020 г. глобальный ВВП может потерять около 2–4,1 трлн долл. США [Abiad et al., 2020; ADB, 2020], однако впоследствии эти цифры могут быть выше. Мировые финансовые институты (МВФ, Всемирный банк) и другие международные организации и фонды [Vinokurov et al., 2020], в том числе Евразийский банк развития (ЕАБР), Азиатский банк развития (АБР), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и другие, на фоне пандемии оказывают поддержку многим странам с низким и средним уровнем дохода, однако в большинстве случаев она позволяет лишь сдерживать падение их экономик. Закрытие границ и остановка деятельности компаний по всему миру привели к разрушению глобальных цепочек поставок, падению мирового производства и потребления, и, как следствие, резкому снижению спроса на труд [Adams-Prassl et al., 2020]. В результате в мире в настоящее время наблюдается повсеместное увеличение безработицы [CCSA, 2020], сопровождаемое снижением реальных доходов [Kartseva, Kuznetsova, 2020].

Одной из самых незащищенных категорий занятых стали трудовые мигранты [Cohen, 2020], экономические потери которых, как правило, в периоды экономического кризиса гораздо выше, чем у коренного населения [Варшавер, 2020]. Учитывая отраслевую специфику этого кризиса, его негативное влияние на трудовую миграцию и финансовое положение мигрантов может быть сильнее, чем в период мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., так как под основным ударом оказались отрасли с высокой концентрацией мигрантов в числе занятых: туризм (в частности, гостиничный бизнес и все сопутствующие услуги), предприятия общественного питания, оптовая и розничная торговля, транспорт, строительство и производство, а также сельское хозяйство [UN, 2020; Kartseva, Kuznetsova, 2020]. В частности, в России, по данным опроса ILO [2016], около 27% мигрантов заняты в строительстве, еще 18% – в торговле, 7% – на предприятиях общественного питания. В том числе среди высококвалифицированных мигрантов в России распределение следующее: 35,4% заняты в оптовой и розничной торговле, 12,4% – в строительстве, 10,3% – в оказании коммунальных, социальных и прочих услуг, 7,4% – в гостиничном и ресторанном бизнесе, 7,8% – в отрасли транспорта и связи [Мукомель, 2020].

После закрытия границ и приостановки транспортного сообщения между странами [IOM, 2020] лишь малая доля трудовых мигрантов вернулась на родину – в основном в случаях, когда у страны-экспортера и страны-импортера рабочей силы была единая граница (например, Узбекистан/Казахстан, Украина/Польша, Венесуэла/Колумбия [ММС, 2020]), или с помощью чартерных рейсов, организованных правительствами, которые позволили частично эвакуировать своих граждан из-за рубежа. Большая часть трудовых мигрантов осталась в принимающей стране на время кризиса в условиях по-

вышенного уровня безработицы на родине, но и те, кто стремились вернуться обратно — в основном, из-за потери работы — физически не смогли это сделать³.

Вследствие сокращения миграционных потоков и роста безработицы среди мигрантов уже в марте текущего года в мире было зафиксировано снижение объемов международных денежных переводов в годовом выражении (исходя из предварительных данных платежного баланса и комментариев представителей центральных банков стран-экспортеров⁴ и стран-импортеров⁵ трудовых ресурсов). По итогам года, согласно предварительной оценке Всемирного банка, падение личных трансфертов в мире может составить 19,9% — с рекордных 714 млрд долл. США в 2019 г. до 572 млрд долл. США в 2020 г. (табл. 1), что негативно отразится на динамике макроэкономических показателей стран — получателей трансфертов [Чепель, Бондаренко, 2015].

В странах с низким и средним уровнем развития снижение трансфертов может составить 19,7%, при этом наибольшее сокращение в процентном соотношении ожидается в Европе и Центральной Азии (27,5%). Однако эти цифры могут быть занижены из-за высокой неопределенности количественной оценки влияния вызванной пандемией рецессии. Среди основных причин — фактическая отмена туристического сезона в Европе, более сильное, чем ожидалось, снижение экономической активности в ЕС (что особенно значимо, например, для Украины и Молдавии), продление карантина в России до конца июня (для ЕАЭС [Григорьев и др., 2018], Узбекистана и Таджикистана), а также повторное введение карантинных мер в ряде стран региона, в том числе в Казахстане (чистом импортере мигрантов) и Узбекистане (чистом экспортере трудовых ресурсов).

Из-за отсутствия релевантных статистических данных по денежным переводам и миграции в Туркменистане мы исключаем его из дальнейшего анализа. Из оставшихся 20 стран 17 являются чистыми получателями денежных переводов, а три, соответственно, странами-донорами (рис. 1).

Среди последних Турция, которая представляет собой уникальный случай трансформации страны из нетто-получателя в нетто-отправителя трансфертов в 2017 г., Казахстан — единственный чистый отправитель переводов в Центральной Азии, и Россия, текущее состояние экономики которой необходимо охарактеризовать отдельно, так как она — главный источник трансфертов в страны Центральной Азии и Закавказья и одновременно второй по значимости номинальный получатель денежных переводов в регионе после Украины.

Таблица 1. Потоки денежных переводов в региональном разрезе, млрд долл. США, 2009–2021 гг.

Регион	2009 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г. ^о	2020 г. ^н	2021 г. ^н
Мир, %	-5,1	-0,9	7,7%	8,0%	2,8%	-19,9%	5,2%
Мир	437	597	643	694	714	572	602
Страны с низким и средним уровнем развития, в том числе:	307	446	487	531	554	445	470
Восточная Азия и Тихоокеанский регион	80	128	134	143	147	128	138

³ Многие мигранты в течение нескольких месяцев не могли вернуться домой. См.: Как мигранты выживают в кризис (<https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/07/16/834690-migranti-vizhivayut>).

⁴ Например, Украина и Узбекистан.

⁵ Например, Россия.

Регион	2009 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г. ^о	2020 г. ^п	2021 г. ^п
Европа и Центральная Азия*	36	46	55	61	65	47	49
Латинская Америка и Карибский бассейн	55	73	81	89	96	77	82
Страны MENA	33	51	57	58	59	47	48
Южная Азия	75	111	118	132	140	109	115
Африка к югу от Сахары	29	39	42	48	48	37	38

Примечание. 2019 г. – оценка; 2020 г.^п, 2021 г.^п – прогноз.

* Согласно классификации Всемирного банка (2020), к странам Европы и Центральной Азии с низким и средним уровнем развития относится 21 страна: Азербайджан, Албания, Армения, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Грузия, Казахстан, Косово, Киргизия, Македония, Молдавия, Российская Федерация, Румыния, Сербия, Турция, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украина и Черногория.

Источник: Всемирный банк.

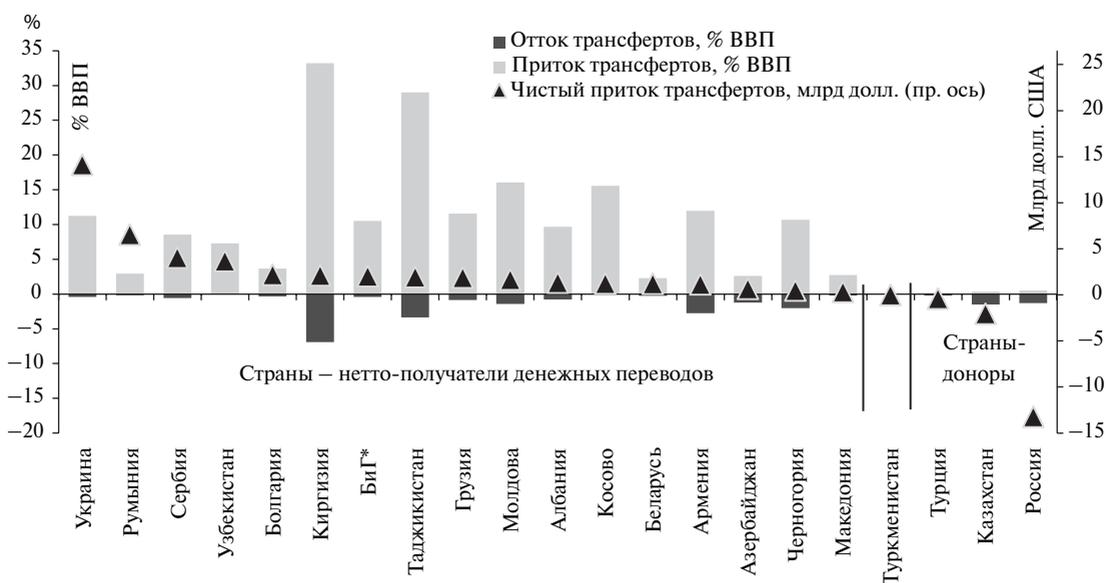

Рис. 1. Страны-доноры и страны-реципиенты денежных переводов, 2018 г.

Примечание. *Босния и Герцеговина.

Источник: Всемирный банк.

В целях сдерживания роста бедности, поддержания экономического роста и ликвидации последствий пандемии экономикам Центральной Азии и Европы необходима поддержка не только местного правительства, но также международных организаций, таких как Всемирный банк, МВФ, ЕБРР, АБР и др.⁶

⁶ В данной статье мы фокусируемся исключительно на грантах, направленных международными организациями (Всемирный банк, МВФ и др.) на смягчение последствий пандемии. Реализация

Пандемия и рецессия в России

По данным двусторонней матрицы денежных переводов [World Bank, 2019с], общий объем видимых отправленных переводов в Армению, Азербайджан, Грузию, Киргизию, Таджикистан и Узбекистан в 2018 г. составил 21,8 млрд долл. США.

Эпидемия коронавируса негативно повлияла как на внешний сектор, так и на внутреннюю экономическую активность. Во 2-м квартале⁷ из-за введения карантинных мер наблюдалось снижение оборота розничной торговли (–16,0% по отношению к предыдущему году) и промпроизводства (–6,5%). На фоне приостановки работы торгово-сервисных и некоторых строительных предприятий многие трудовые мигранты остались без работы⁸, а снижение реальных располагаемых доходов населения (в 1-м квартале 2020 г. – на 0,2%, во 2-м квартале 2020 г. – на 8,4%, а в 3-м квартале 2020 г. – на 4,8% по отношению к предыдущему году) затронуло и уровень благосостояния представителей национальных диаспор из стран СНГ+. Дополнительное давление оказало и падение рубля в марте этого года, в результате чего, согласно данным Банка России [2020], средняя сумма одного трансграничного перевода в иностранной валюте из России во 2-м квартале 2020 г. сократилась до 269 долл. США (по сравнению с 413 долл. США за аналогичный период прошлого года), а в 3-м квартале – до 288 долл. США (против 419 долл. США в 3-м квартале 2019 г.).

Это привело к снижению объемов отправленных денежных трансфертов в 1-м и 2-м кварталах 2020 г. (их номинальный объем в рублях сократился на 11% и 8% соответственно, а в долларах США – на 12,2% и 17,9%). В 3-м квартале на фоне отложенного спроса наблюдалось увеличение объемов трансграничных переводов в годовом выражении, однако с учетом того, что многие сезонно занятые мигранты в этом году не смогли приехать на заработки из-за продления карантинных мер, к концу 2020 г. мы не исключаем ухудшения ситуации.

Центральная Азия

Общий объем полученных переводов в Киргизии (член ЕАЭС), Таджикистане и Узбекистане в 2019 г. составил 8,9 млрд долл. США (из них около 7 млрд – из России). Для стран Центральной Азии, как правило, характерны довольно высокие темпы экономического роста, которые даже в период предыдущего кризиса 2008–2009 гг. оставались положительными, в том числе благодаря высоким объемам внешних трансфертов [O’Nara et al., 2009], которые поддерживали внутреннее потребление [Brownbridge, Sanagarajah, 2010]. В этих странах в период кризиса в 2009 г. объем переводов (в долл. США) снизился на 29% в годовом выражении, а в 2015 г. на фоне рецессии в России – на 38% (рис. 2).

других проектов (например, в сфере сельского хозяйства или образования) не входит в область исследования.

⁷ По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b20_01/Main.htm).

⁸ Согласно данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, 33% трудовых мигрантов страны заняты в сфере торговли, 16% – в строительстве, около 14% – в сфере транспорта и связи, 15% – в сфере гостиничного бизнеса и домашних услуг. У остальных мигрантов род деятельности не указан.

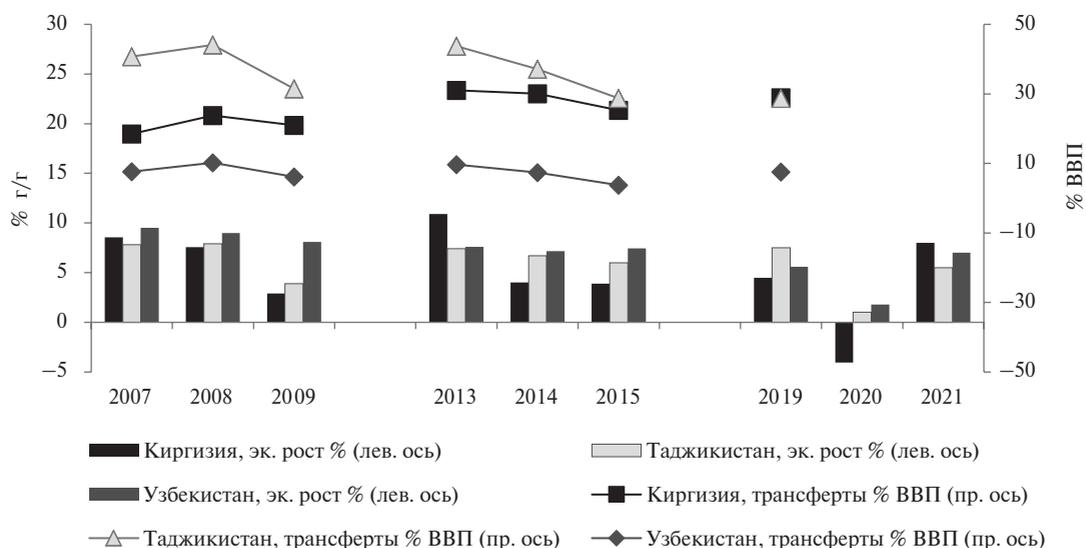

Рис. 2. Экономический рост (% по отношению к предыдущему году) и объем полученных денежных переводов в странах Центральной Азии, % ВВП

Источник: Международный валютный фонд.

Однако в этот кризис ситуация кардинально иная; она включает не только обширные карантинные меры и снижение объемов экспорта, но также спад российской экономики, ослабление рубля и потерю мигрантами рабочих мест, что в совокупности может вдвое снизить объемы переводов мигрантов в Киргизию, Узбекистан и Таджикистан в 2020 г. Это, в свою очередь, может стать фактором дополнительного – и гораздо большего, чем ожидается в данный момент, – давления на динамику ВВП стран Центральной Азии, их платежный баланс, и привести к росту бедности населения.

Узбекистан лидирует среди стран региона по объему полученных денежных переводов – в 2019 г. 4,2 млрд долл. США (или 7,5% ВВП), однако и эта оценка занижена из-за невысокого качества статистической отчетности в стране [МВФ, 2018]. В частности, общий объем личных переводов, отправленных в Узбекистан только из России и Казахстана, по данным центральных банков этих двух стран, в прошлом году составил 4,5 млрд долл. США в номинальном выражении, и потому реальная доля денежных переводов в ВВП Узбекистана может быть выше в 1,5–2 раза, то есть около 10–15%⁹. Увеличение объемов денежных переводов было одним из ключевых факторов сокращения бедности. В Узбекистане в 2013 г. денежные переводы обеспечивали 7% от доходов домохозяйств в нижних 40% распределения доходов¹⁰ и 12% – в верхних 60% [Всемирный

⁹ По словам начальника Агентства внешней трудовой миграции при Министерстве занятости и трудовых отношений Узбекистана Б. Турсунова (<https://www.gazeta.uz/ru/2019/09/16/migration/>). См. также: Turrisi G. (2020) The Graphic Truth: Who depends most on remittances? // Gzero. April 28 (<https://www.gzeromedia.com/the-graphic-truth-who-depends-most-on-remittances>).

¹⁰ Это объясняется тем, что среди бедного населения, проживающего в удаленных и малонаселенных районах отдельных областей (например, Наманганской, Ферганской и Сурхандарьинской области, а также Республике Каракалпакстан), большинство домохозяйств занято в сельском хозяйстве, и лишь немногие из них могут позволить себе отправить одного из членов семьи на заработки за границу.

банк, 2019)], а в 2019 г., только по официальным данным, доля внешних трансфертов трудовых мигрантов в доходах населения увеличилась до 15%¹¹.

Согласно данным Центрального банка Узбекистана, в январе – июне 2020 г. объем полученных денежных переводов в долларах США снизился¹² на более чем 6% по отношению к предыдущему году (в том числе во 2-м квартале – на 11,3%). В целом по итогам года регулятор ожидает падения объемов трансфертов на 30–35% [ЦБУ, 2020]. Однако из-за длительного карантина в России и повторного введения карантинных мер в Узбекистане¹³ (в том числе закрытия границ и принудительного карантина прибывающих лиц) эта оценка может быть занижена, что приведет к большему сокращению потребления домохозяйств (в особенности среднего класса) и росту бедности.

Для поддержания экономики Международный валютный фонд (далее – МВФ) предоставил *Узбекистану* льготный кредит 375 млн долл. США¹⁴, Всемирный банк – 38 млн долл. США на укрепление национальной системы здравоохранения и еще 57 млн долл. в целях помощи бедным и наиболее пострадавшим от пандемии COVID-19 слоям населения¹⁵, и одобрил еще 200 млн долл. США на смягчение последствий ограничительных мер¹⁶. Азиатский банк реконструкции и развития (далее – АБР), в свою очередь, предоставил¹⁷ Узбекистану грант на закупку медицинского оборудования и также перераспределил 19,5 млн долл. США из текущего займа в целях закупки 800 аппаратов искусственной вентиляции легких. В общей сложности Узбекистан планирует¹⁸ занять около 3,1 млрд долл. США (5,6% ВВП). Все это должно смягчить последствия пандемии для Узбекистана и оказать позитивное влияние на систему здравоохранения страны. Но так как цели грантов – точечные, они не смогут коренным образом решить проблемы Узбекистана, связанные со слабостью внутренней экономической активности. Поэтому оценка МВФ¹⁹ относительно замедления роста ВВП Узбекистана до 1,8% в 2020 г. может оказаться чересчур оптимистичной.

В *Киргизии*, по официальным данным, общий объем трансфертов в 2019 г. составил 2,4 млрд долл. США, а их доля в ВВП – 28,9% [Всемирный банк, 2019а]. По данным Центрального банка Киргизии, в январе – мае 2020 г. приток денежных трансфертов снизился более чем на 26% в сравнении с прошлым годом, что в совокупности с па-

¹¹ По данным <http://stat.uz> и Министерства экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан (<http://mineconomy.uz/ru/news/view/3004>).

¹² См.: ЦБУ. Объем трансграничных денежных переводов в январе – июне 2019–2020 гг. (https://cbu.uz/ru/press_center/news/365892/?sphrase_id=10414).

¹³ См.: Reuters. Узбекистан вводит новые ограничения из-за роста числа случаев коронавируса (<https://ru.reuters.com/article/topNews/idRUKBN24112X-ORUTP>).

¹⁴ Здесь и далее, если не указано иное, IMF [2020b].

¹⁵ См.: Uzbekistan to Receive World Bank Emergency Financing to Combat COVID-19 (<https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/24/uzbekistan-to-receive-world-bank-emergency-financing-to-combat-covid-19>).

¹⁶ См.: Supplementary Development Policy Financing: Sustaining Market Reforms in Uzbekistan (<https://projects.vseмирnyjbank.org/ru/projects-operations/project-detail/P173948>).

¹⁷ См.: АБР одобрил выделение Узбекистану гранта в размере 1,36 млн долл. США в борьбе с COVID-19 (<https://www.adb.org/ru/news/adb-allocates-1-36-million-grant-uzbekistans-fight-against-covid-19>).

¹⁸ См.: Коронавирус пандемияси даврида аҳоли, бюджет, базавий инфратузилма ва тадбиркорлик субъектларини қўллаб-қувватлаш учун ташки ердан маблағларини жалб қилиш чора-тадбирлари тўғрисида (<https://lex.uz/uz/pdfs/4797083>).

¹⁹ Здесь и далее мы приводим прогнозы МВФ, опубликованные в апрельском докладе “World Economic Outlook”, так как в обновленной версии обзора в июне большинство исследуемых стран отсутствуют. Прогнозы МВФ “Regional Economic Outlook Update: Middle East and Central Asia” (июнь) являются агрегированными (например, в целом по странам – экспортерам нефти и газа в Средней Азии).

дением доходов от туризма может не только спровоцировать рост бедности, но также стать ключевым фактором усиления — и без того достаточно значительного — дефицита текущего счета платежного баланса страны [НБКР, 2020].

Бюджет страны в 2020 г. также будет дефицитным, частично его покроеет транш МВФ (40 млн долл. США) на поддержку экономики страны. МВФ выделил Киргизии два гранта в марте и мае в размере 120,9 и 121,1 млн долл. США. Кроме того, правительство подало заявку на приостановление обслуживания долга при поддержке Парижского клуба и «Группы двадцати» с намерением использовать средства на финансирование здравоохранения и борьбу с последствиями пандемии. Со стороны Всемирного банка для борьбы с последствиями пандемии Киргизия получила²⁰ 12,15 млн долл. США и в дальнейшем еще дополнительно 9 млн долл. США. АБР направит в Киргизию транш²¹ в размере 120 млн долл. США в рамках программы «Активное реагирование и поддержка расходов» (CAREC), где 50% суммы — безвозмездные выплаты. С учетом грантов, полученных от ЕС, Германского общества международного сотрудничества (GIZ) и других доноров, общая сумма поддержки может составить около 1 млрд долл. США, или 12% ВВП, что позволит несколько смягчить масштабы рецессии, однако вряд ли остановит падение экономики.

В Таджикистане денежные переводы в 2019 г. составили 2,3 млрд долл. США (около 28,7% ВВП), однако в действительности объем транзакций может быть выше. В 2014–2016 гг. из-за рецессии в России объем денежных трансфертов в Таджикистан сократился с почти 44% ВВП в 2013 г. до 27% ВВП в 2016 г., что фактически стало одной из основных причин замедления экономического роста таджикской экономики. Однако на протяжении последних трех лет ускорение темпов экономического роста страны поддерживалось за счет роста потребления на фоне увеличения денежных переводов трудовых мигрантов и роста государственных инвестиций [Всемирный банк, 2019а].

В настоящее время, по данным опроса Научно-исследовательского института Национального банка Таджикистана [Бакозода, 2019], в той или иной мере за счет переводов в стране живут около 70% населения. Сокращение трансфертов в этом году негативно скажется на потреблении и, вероятно, не только станет причиной замедления роста экономики, но также спровоцирует рост бедности и даже может в конечном счете стать фактором социально-экономической нестабильности.

Для поддержки малообеспеченного населения правительство выделяет дополнительные средства из бюджета, дефицит которого в этом году будет финансироваться из выданных по кредитной линии средств МВФ в объеме 189,5 млн долл. США. С учетом грантов Всемирного банка и АБР общий объем кредитования составит около 2–3% ВВП.

В общей сложности предоставленные странам Центральной Азии гранты МВФ и Всемирного банка покрывают около 9–16% от общего объема переводов (табл. 2). Поскольку ожидается снижение объемов трансфертов на 30–50%, этого может быть недостаточно²². Вторым вопросом остается направление использования привлеченных средств, так как из-за низкого качества государственных институтов в Узбекистане,

²⁰ См.: Kyrgyz Republic Gets World Bank Financing to Respond to COVID-19 Pandemic (<https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/02/kyrgyz-republic-gets-world-bank-financing-to-respond-to-covid-19-pandemic>).

²¹ См.: ADB's \$50 Million Package to Help the Kyrgyz Republic Mitigate the Impact of COVID-19 (<https://www.adb.org/news/videos/adb-s-50-million-package-help-kyrgyz-republic-mitigate-impact-covid-19>).

²² При этом некоторые страны (см. выше) получают финансирование и от других международных организаций, однако большая часть этих грантов на 20 мая 2020 г. находится в стадии обсуждения.

Киргизии и Таджикистане эффективность распределения средств кредитования может быть крайне незначительной.

Таблица 2. Объем финансирования некоторых стран Центральной Азии МВФ и Всемирным банком в целях борьбы с последствиями пандемии и денежные трансферты, млн долл. США*

Страна	Объем финансирования, 2020 г.		Полученные трансферты, 2019 г.	Коэффициент покрытия,** %
	МВФ	ВБ		
Узбекистан	375	295	4 150	16,1
Киргизия	242	21	2 410	10,9
Таджикистан	190	11	2 298	8,7

Примечание. *На 31 июля 2020 г.; ** здесь и далее коэффициент покрытия – отношение суммы предоставленных грантов и кредитов к объему полученных денежных переводов, %.

Источники: Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ).

Южный Кавказ

В двух из трех исследуемых стран Закавказья – Грузии и Армении – наблюдается традиционно высокая зависимость от внешних трансфертов – в частности, по итогам прошлого года в каждой из этих стран их объем превысил 11% ВВП.

Общая сумма денежных переводов в Грузию в 2019 г. составила 2,3 млрд долл. США. За шесть месяцев 2020 г. домохозяйства Грузии получили переводов на 5% меньше, чем за аналогичный период прошлого года [NBG, 2020]. В январе – феврале наблюдался рост трансфертов, однако в марте – мае их объем снизился на 20% в годовом выражении. В июне наблюдался рост – на фоне снятия карантинных мер в развитых странах (в частности, Италии, Греции, Германии и США) и «отложенных» переводов, что частично компенсировало снижение объемов весной. При этом из России объемы отправленных переводов продолжали снижаться с начала 2020 г., а кризис лишь усугубил ситуацию. Это свидетельствует о расширении географии миграции и об ускорении процессов «страновой диверсификации» источников денежных переводов – в Грузии за последние годы сильно увеличилась доля поступлений из Европы (Италия, Греция) и США, хотя Россия все еще остается лидером среди принимающих грузинских эмигрантов стран и главным источником трансфертов (более 32% от общего объема в июне) [Григорьев и др., 2019]. Пандемия окажет негативное влияние на ключевые статьи доходов Грузии (экспорт, в основном продовольственный, туристические услуги и инвестиции) и, соответственно, на динамику ВВП. Экономика Грузии от других экономик региона принципиально отличается более сильной зависимостью от туризма: с июля 2019 г. из-за «недопоступлений» туристских доходов экономика ежемесячно теряет около 622 млн долл. США (или 3% ВВП) [Там же], и это без учета влияния текущего кризиса.

В качестве помощи Грузии для финансирования внешнего и внутреннего дефицита в мае МВФ выделил 375,6 млн долл. США, а Всемирный банк²³ – 80 млн евро. Кроме

²³ См.: World Bank Pledges \$80 Million to Support Georgia's Response to COVID-19 Pandemic (<https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/29/world-bank-pledges-80-million-to-support-georgias-response-to-covid-19-pandemic>).

того, Грузия входит в программу Евросоюза «Восточное партнерство», в рамках которой она получила 150 млн евро на поддержку экономики. Общая сумма поддержки со стороны международных организаций, на которую рассчитывает Грузия, составляет 1,5 млрд долл. США, или 7,5% ВВП, но даже такие объемы не позволят предотвратить падение ее экономики, которое может превысить прогнозируемые МВФ 4,0% в 2020 г.

Снижение ВВП *Армении* в 2020 г. году может составить 1–2% по отношению к 2019 г. Пандемия коронавируса оказала давление на строительный сектор страны и туризм, а также производство (которое в некоторых отраслях фактически остановилось). Это, в совокупности с тем, что многие потенциальные трудовые мигранты останутся дома, станет одной из ключевых причин роста уровня безработицы (и так довольно высокого). В Армении число безработных в 2020 г. может увеличиться на 40 тыс. человек, а уровень безработицы вырастет с 17,7 до 19%²⁴. Однако принимая во внимание тот факт, что на сезонные заработки из Армении в Россию ежегодно уезжают около 200 тыс. трудовых мигрантов, рост числа безработных может быть гораздо выше [Манасерян, 2019].

Для нейтрализации последствий пандемии МВФ расширил для Армении кредитное соглашение Stand-by-Arrangement, подписанное в 2019 г., еще на 175 млн долл. США, а Всемирный банк направил²⁵ 3 млн долл. США.

Экономика *Азербайджана* не слишком зависит от трансфертов – они составляют лишь 1,9% ВВП страны. Ключевыми триггерами этого года для Азербайджана будут падающие экспортные доходы (главным образом из-за низких цен на нефть), снижение поступлений от туризма и слабый рост инвестиций, на фоне чего МВФ прогнозирует падение экономики на 2,2%. Однако эта оценка не учитывает соглашение ОПЕК+, в рамках которого Азербайджан должен сократить добычу нефти на 23% в мае – июне и далее на 18% до конца года. Из-за высокой зависимости экономики страны от нефти – на нефтегазовый сектор приходится 7% ВВП и 86% экспорта Азербайджана – мы не исключаем более глубокое падение его экономики.

Азербайджан – единственная страна в регионе, которая не обращалась за помощью к финансовым институтам (табл. 3).

Таблица 3. Объем финансирования некоторых стран Южного Кавказа МВФ и Всемирным банком в целях борьбы с последствиями пандемии и денежные трансферты, млн долл. США*

Страна	Объем финансирования, 2020 г.		Полученные трансферты, 2019 г.	Коэффициент покрытия, %
	МВФ	ВБ		
Грузия	376	80	2 258	20,2
Армения	175	3	1 528	11,6
Азербайджан	–	–	1 077	–

Примечание. *На 31 июля 2020 г.

Источники: Всемирный банк (ВБ), Международный валютный фонд (МВФ).

²⁴ По словам министра труда и социальных вопросов Республики Армения А. Удумяна (http://arka.am/ru/news/society/bezrobotitsa_v_armenii_mozhet_dostich_19_a_kolichestvo_bezrobotnykh_uelichitsya_na_40_tys_cheovek_i/).

²⁵ См.: World Bank Supports Armenia to Combat the Human Impact of the COVID-19 Pandemic (<https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/03/world-bank-supports-armenia-to-combat-the-human-impact-of-the-covid19-pandemic>).

Коэффициент покрытия грантов МВФ и Всемирного банка – без учета финансирования со стороны других международных организаций²⁶ – составляет более 20% в Грузии, а в Армении – почти 12%.

Азербайджан в целях финансирования бюджетных расходов (около 4,3% ВВП) использует собственные резервы для поддержки экономики, которые, несмотря на необходимость поддержки национальной валюты (маната), все еще высокие (общий объем активов нефтяного фонда республики и золотовалютных резервов Центрального банка 1 июля 2020 г. составлял около 100% ВВП).

Восточная и Юго-Восточная Европа

На 11 стран Европы²⁷ из исследуемой выборки по классификации Всемирного банка приходится 61% от общего объема полученных переводов (39,4 млрд долл. США в 2019 г., в том числе 29,5 млрд долл. США – на Украину, Румынию, Сербию и Болгарию).

Крупнейшим получателем международных трансфертов в регионе в номинальном выражении на протяжении последних пяти лет остается Украина – в 2019 г. 15,8 млрд долл. США (World Bank, 2020)²⁸. Число трудовых мигрантов из этой страны с каждым годом увеличивается, соответственно, возрастает значимость внешних трансфертов для ее экономики – доля денежных переводов в ВВП увеличилась с 5,5% в 2014 г. до 11,3% в 2019 г. (рис. 3).

Рис. 3. Объем полученных денежных переводов на Украине, 2000–2020 гг.

Источник: Всемирный банк, расчеты автора.

В этом году на фоне распространения коронавируса около 10% всех мигрантов Украины вернулись на родину, что уже повлекло за собой снижение объемов денежных переводов в годовом выражении в марте. Закрытие границ в России (основном импор-

²⁶ С учетом планируемого объема заимствований этот коэффициент в Грузии превышает 66%, однако в настоящий момент не все договоры о предоставлении грантов/кредитов вступили в силу.

²⁷ К странам Европы относятся: Албания, Белоруссия, Босния и Герцеговина, Болгария, Косово, Молдавия, Черногория, Северная Македония, Румыния, Сербия, Украина.

²⁸ По данным Центрального банка Украины, объем денежных трансфертов в 2019 г. составил 12,0 млрд долл. США. Различия в оценках объясняются расхождениями в методологии расчета.

тере²⁹ трудовых мигрантов с Украины), США и странах ЕС, отсутствие у мигрантов возможности выехать на сезонные заработки и ожидание слабого восстановления спроса на труд на фоне U-образного или даже Lj-образного [Григорьев и др., 2020] характера рецессии привело к снижению объемов трансфертов в январе – июне 2020 г. на 9,5% в сравнении с 2019 г., и динамика вряд ли выйдет в положительную зону до конца года. В результате из-за глобальной пандемии в 2020 г. объем денежных переводов может сократиться на 2–3 млрд долл. США, что будет стоить украинской экономике около 2% ВВП. На потребление приходится около 70% ВВП Украины, и из-за введения карантинных мер и сокращения трансфертов падение экономики страны в этом году может превысить ожидаемые МВФ 7,7%.

Сильно пострадает экономика Молдавии. Несмотря на почти двукратное снижение доли переводов в ВВП в 2006–2014 гг. (с 34 до 15,9%), значимость трансфертов в потреблении страны и поддержке экономического роста остается высокой [Ito, 2017]. Аналогичным образом ситуация, вероятно, будет развиваться и в Косово, где в 2019 г. доля трансфертов по отношению к ВВП была на уровне 15,2%.

Еще на три европейские страны – *Румынию, Болгарию и Белоруссию* – в общей сложности приходится 11 млрд долл. США трансфертов. При этом зависимость экономик этих стран от денежных переводов относительно низкая – доля трансфертов в их ВВП составляет 2–3%. Большую часть денежных переводов Румыния и Болгария получают из стран ЕС, а также из США. Главным источником переводов для Белоруссии является Россия. Эффект снижения объемов трансфертов на экономику этих трех стран не будет столь значительным, как для Украины, Молдавии и Косово, так как причиной падения их ВВП в этом году станут по большей части внутренние факторы – снижение потребления (в том числе и в Белоруссии, даже несмотря на ее отказ от введения карантинных мер) и падение внутренних инвестиций.

В странах Балканского полуострова – *Черногории, Сербии, Албании, Косово, Македонии, Боснии и Герцеговине* – денежные переводы значимы не только для роста ВВП, но и для платежного баланса (рис. 4).

В 2019 г. *Черногория* стала лидером среди стран Европы с низким и средним уровнем развития по доле денежных переводов по отношению к ВВП – 24,6% (1,4 млрд долл. США). По сравнению с 2018 г. объем трансфертов увеличился в 2,3 раза – это, вероятно, стало следствием методологических поправок, сделанных после опубликованного отчета МВФ о состоянии экономики страны в сентябре 2019 г. и комментариев Фонда о возможном занижении статистики по денежным переводам в предыдущие годы из-за высокой доли транзакций в форме наличных денег [IMF, 2019].

Если в Черногории проблема качества данных была в какой-то степени решена, то в Македонии это еще предстоит сделать. В 2019 г., по официальным данным, объем денежных переводов в Македонии составил 2,5% ВВП. Однако если суммировать эти официальные данные с личными трансфертами, полученными гражданами страны из неофициальных источников, то в общей сложности доля денежных переводов в ВВП страны в прошлом году должна была достигнуть 13,6% [World Bank, 2020b].

В *Сербии и Боснии и Герцеговине* доля трансфертов в ВВП также относительно высокая – по предварительным данным, в 2019 г. она составляла 7,9 и 10,4% соответственно. Здесь снижение объемов денежных переводов в 2020 г. из-за пандемии коронавируса станет одним из ключевых факторов падения ВВП – наряду со снижением доходов от туризма и транспорта, а также замедлением роста экспорта и инвестиций [Ralev, 2020].

²⁹ По данным двусторонней матрицы денежных переводов [World Bank, 2019].

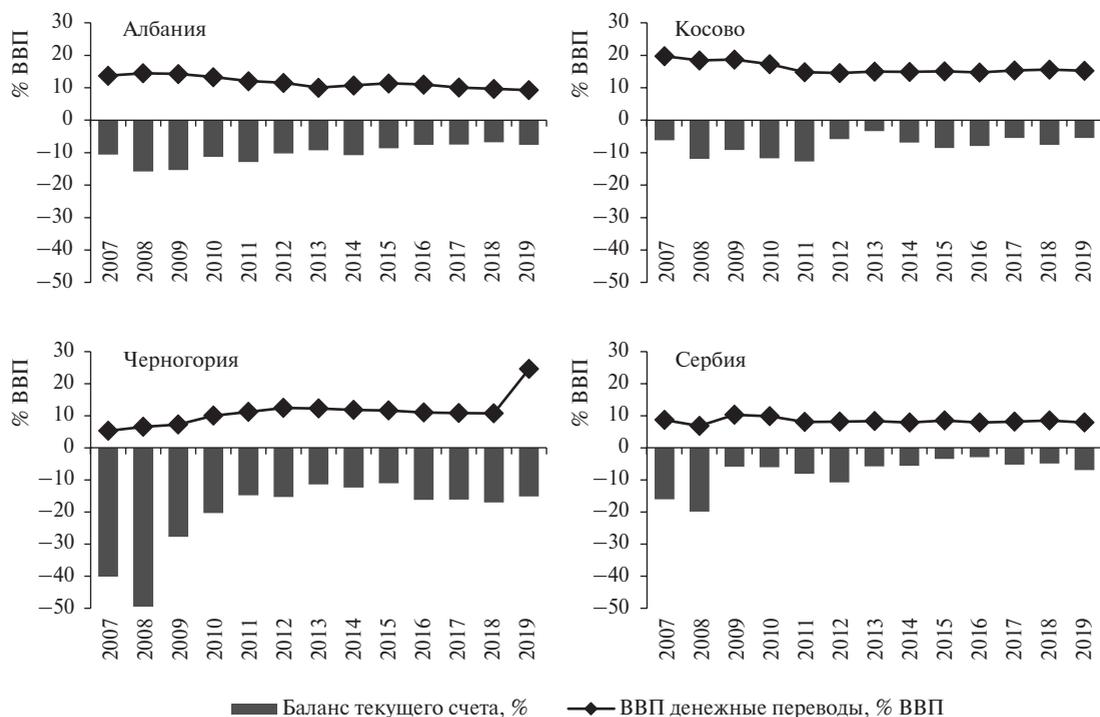

Рис. 4. Сальдо текущего счета платежного баланса и объем полученных денежных переводов в некоторых странах Балканского полуострова, % ВВП

Источники: Всемирный банк, Международный валютный фонд.

Для всех стран Балканского полуострова характерен относительно высокий дефицит текущего счета платежного баланса (рис. 4), который, вероятно, у большинства из них в этом году усилится из-за слабости основных экспортных позиций – туризма, обрабатывающей промышленности и добычи. Исторически денежные переводы и прямые иностранные инвестиции были ключевым источником финансирования дефицита и во времена предыдущих кризисов поддерживали экономику этих стран. Однако, принимая во внимание особенности текущей рецессии, объемы денежных переводов могут значительно сократиться из-за глобального роста безработицы и соответствующего падения реальных доходов трудовых мигрантов и представителей национальных диаспор за рубежом.

Потоки иностранных инвестиций под давлением кризиса, вероятно, также снизятся, и странам придется тратить резервы для финансирования их внешнего дефицита [World Bank, 2020b] или же прибегать к международным займам (табл. 4).

На 31 июля 2020 г. МВФ в общей сложности выделил странам Европы со средним и низким уровнем развития 6,1 млрд долл. США в целях поддержания экономики и финансирования внешнего и внутреннего дефицита, а Всемирный банк – около 1,6 млрд долл. США. Высокий коэффициент покрытия в Македонии (91,5%) только подтверждает недостоверность статистики в этой стране в отношении международных переводов; мы уже упоминали, что реальный объем ее трансфертов может быть в 5 раз выше³⁰.

³⁰ Тогда с учетом неофициальных данных гранты и кредиты МВФ и Всемирного банка покрывают около 17% от общего объема полученных переводов.

Таблица 4. Объем финансирования некоторых стран Европы Международным валютным фондом и Всемирным банком в целях борьбы с последствиями пандемии и денежные трансферты, млн долл. США*

Страна	Объем финансирования, 2020 г.		Полученные трансферты, 2019 г.	Коэффициент покрытия, %
	МВФ	Всемирный банк		
Албания	191	—	1 455	13,1
Белоруссия	—	90**	1 419	18,2
Болгария	—	—	2 316	—
Босния и Герцеговина	361	36	2 192	18,1
Косово	57	50	1 249	8,5
Македония	192	90**	317	91,5
Молдавия	235	53**	1 909	15,3
Румыния	—	400**	7 235	6,5
Сербия	—	100	4 163	2,4
Украина	5000 ***	530	15 814	35,0
Черногория	84	—	1 376	6,1

Примечание. *На 31 июля 2020 г.; ** в млн евро; *** в формате Stand-By-Arrangement сроком на 18 месяцев. В июне 2020 г. перечислены 2,1 млрд долл. США.

Источники: Всемирный банк, Международный валютный фонд.

На Украине коэффициент покрытия также высокий — 35%, и среди исследуемых стран Европы она лидирует по объемам финансирования в абсолютном выражении. После того как Верховная рада Украины приняла законопроект «О внесении изменений в законодательные акты Украины относительно усовершенствования некоторых механизмов регулирования банковской деятельности», МВФ одобрил предоставление Украине 18-месячной программы Stand-By-Arrangement в размере 5 млрд долл. США³¹. Этот кредит поможет Украине восполнить дефицит ее платежного баланса и бюджета. Всемирный банк, в свою очередь, выделил Украине сначала 215 млн долл. США, а потом еще 135 млн долл. США на проект “Serving People, Improving Health Project”³², направленный на улучшение работы системы здравоохранения. Еще один транш в размере 1,2 млрд евро (вдобавок к текущим 500 млн евро, полученным в июне) Украина может получить от Евросоюза в рамках меморандума о взаимопонимании. Все это должно помочь стране преодолеть нынешний кризис, однако в среднесрочной перспективе усиливает риски роста долговой нагрузки. Совокупный внешний долг Украины — государственный и гарантированный государством — на 30 июня 2020 г. уже превысил 85 млрд долл. США³³.

³¹ См.: IMF and Ukrainian Authorities Reach Staff Level Agreement on a New Stand-By Arrangement to Help to Address COVID-19 Pandemic (<https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/05/21/pr20223-ukraine-imf-and-ukrainian-authorities-reach-staff-lvl-agreement-new-sba-address-covid19>).

³² Проект «Служим людям, улучшаем здоровье». Подробнее см.: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2020/04/27/world-bank-continues-support-to-ukraines-healthcare-reform-boosting-its-covid-19-response>.

³³ См.: Ministry of Finance of Ukraine. State Debt and State Guaranteed Debt (<https://mof.gov.ua/en/derzhavnij-borg-ta-garantovanij-derzhavju-borg>).

В Албании, Боснии и Герцеговине, Белоруссии и Молдавии коэффициент покрытия варьируется от 13 до 18%, а в Черногории, Румынии и Косово — от 6 до 9%. Однако и этих мер может быть недостаточно, чтобы остановить падение их ВВП.

Единственная страна Европы, которой МВФ и Всемирный банк пока не предоставили кредитов и грантов, — это Болгария. Основным источником финансирования ее внутреннего и внешнего дефицита выступает Евросоюз. Правительство Болгарии перераспределило финансовые средства Еврокомиссии, первоначально направленные на образование, развитие транспортной инфраструктуры и охрану окружающей среды, в Европейский фонд регионального развития для поддержки экономики и малого бизнеса, а также в Европейский социальный фонд для оказания помощи безработным.

Заключение

Влияние глобальной рецессии, вызванной пандемией, окажет более негативное влияние на состояние экономики в странах Европы и Центральной Азии с низким и средним уровнем развития, чем финансово-экономический кризис 2008–2009 гг., в том числе и вследствие более глубокого сокращения объемов полученных трансфертов. Это станет фактором давления на динамику ВВП и текущий счет платежного баланса для стран — реципиентов денежных переводов, и в отдельных случаях — причиной роста бедности (например, в Таджикистане, где переводы составляют пятую часть доходов домохозяйств). В случае затягивания кризиса или возникновения второй волны заражения ожидания мировых финансовых институтов и правительств по глубине экономического кризиса могут быть недооценены. При этом ситуация в Центральной Азии, Черногории, Молдавии, Косово и Украине будет особенно сложной из-за высокой доли денежных переводов в их ВВП, что требует дополнительной поддержки экономики и наиболее уязвимых слоев населения (в том числе мигрантов, которые остались без работы, и их семей). МВФ, Всемирный банк и другие финансовые организации оказывают существенную финансовую помощь странам Центральной Азии и Южного Кавказа в борьбе с последствиями пандемии. В частности, в Грузии коэффициент покрытия превышает 20%. Однако ее эффективность может снизиться из-за слабости внутренних государственных институтов. В Европейской части МВФ и Всемирный банк предоставили кредиты и гранты не всем странам, а для тех стран, которые их получили, объем финансирования может быть недостаточно высок для ликвидации последствий и стимулирования спроса.

После того как карантинные меры будут окончательно сняты, мир еще не скоро вернется к прежнему стилю жизни — и в фокусе дальнейших исследований будут не макро-, а микрофакторы, среди которых проблема трудоустройства мигрантов за рубежом, возвратная миграция и роль мигрантских сетей в поддержании уровня благосостояния диаспор. В долгосрочном периоде в фокусе будет расширение географии миграции и изменение структуры миграционных потоков (например, феминизация и омоложение миграции). Однако эти вопросы не входят в область настоящего исследования и являются предметом дальнейших научных изысканий автора.

Источники

Бакозода Х. (2019) До 70% населения Таджикистана живут за счет переводов трудовых мигрантов. Режим доступа: <https://rus.ozodi.org/a/30214025.html> (дата обращения: 02.05.2020).

Банк России. (2020) Трансграничные переводы, осуществленные через платежные системы. Режим доступа: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#a_71460 (дата обращения: 07.12.2020).

- Варшавер Е. (2020) Положение иностранных трудовых мигрантов в России во время пандемии коронавируса // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. № 20 (122). Режим доступа: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_20-122_July.pdf (дата обращения: 13.08.2020).
- Всемирный банк. (2019а) Рамочная стратегия партнерства между группой Всемирного банка и Республикой Таджикистан на 2019–2023 финансовые годы. Режим доступа: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/cpf-2019-2023> (дата обращения: 01.05.2020).
- Всемирный банк. (2019б) Узбекистан: Навстречу новой экономике. Нью-Йорк: Всемирный банк. Режим доступа: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/country/uzbekistan/publication/economic-update-summer-2019> (дата обращения: 01.05.2020).
- Григорьев Л., Бриллиантова В., Павлюшина В. (2018). Евразийский экономический союз: успехи и вызовы интеграции // Мир новой экономики. № 4.
- Григорьев Л., Павлюшина В., Кулаева Н., Музыченко Е. (2019) Экономика Грузии: хрупкая устойчивость роста // Вопросы экономики. № 10. С. 64–84.
- Григорьев Л., Павлюшина В., Музыченко Е. (2020) Падение в мировую рецессию 2020 // Вопросы экономики. № 5. С. 5–24.
- Манасерян Т. (2019) Вопросы экономического роста и миграции в Армении в контексте членства в ЕАЭС. Диалог: политика, право, экономика. Т. 1. С. 51–60.
- МВФ. (2018) Республика Узбекистан. Доклад о миссии статистики внешнего сектора // IMF Country Report No. 20/193. Вашингтон. Режим доступа: <https://www.imf.org/ru/Publications/CR/Issues/2020/06/09/Republic-of-Uzbekistan-Technical-Assistance-Report-External-Sector-Statistics-Mission-49495> (дата обращения: 30.07.2020).
- Мукомель В. (2020) Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. Т. 26. № 2. С. 31–59.
- НБКР. (2020) Трансферты физических лиц, осуществленные через системы денежных переводов. Режим доступа: <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1785&lang=RUS> (дата обращения: 30.07.2020).
- ЦБУ. (2020) Обзор денежно-кредитной политики за I квартал 2020 г. Ташкент: Центральный банк Республики Узбекистан.
- Чепель С., Бондаренко К. (2015) Является ли внешняя трудовая миграция фактором экономического роста. Эконометрический анализ и выводы для стран СНГ // Журнал Новой экономической ассоциации. Т. 4. № 28. С. 142–166.
- Abiad A., Arao R.M., Dagli S. (2020) The Economic Impact of the COVID-19 Outbreak on Developing Asia.
- Adams-Prassl A., Boneva T., Golin M., Rauh C. (2020) Inequality in the Impact of the Coronavirus Shock: Evidence from Real Time Surveys.
- ADB. (2020) Asian Development Outlook (ADO): What Drives Innovation in Asia? N.Y.: ABD.
- Barro R.J., Ursúa J.F., Weng J. (2020) The coronavirus and the great influenza pandemic: Lessons from the “spanish flu” for the coronavirus’s potential effects on mortality and economic activity. – National Bureau of Economic Research. No. w26866.
- Brownbridge M., Canagarajah S. (2010) Remittances and the macroeconomic impact of the global economic crisis in the Kyrgyz Republic and Tajikistan // China and Eurasia Forum Quarterly. Vol. 8. No. 4. P. 3–9.
- CCSA. (2020) How COVID-19 is changing the world: a statistical perspective, N.Y.: UNCTAD.
- Cohen J. (2020) Modeling Migration, Insecurity and COVID-19. Migration Letters. Vol. 17. No. 3. P. 405–409.
- Duarte R., Furtado I., Sousa L., Carvalho C.F.A. (2020) The 2019 novel coronavirus (2019-nCoV): novel virus, old challenges // Acta Médica Portuguesa. Vol. 33. No 3. P. 155–157.
- IMF. (2019) Montenegro: 2019 Article IV Consultation-Press Release, Washington, DC: IMF.
- IMF. (2020a) World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown, Washington, DC: IMF.
- IMF. (2020b) Countries Receiving Emergency Financing and Debt Relief. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/COVID-Lending-Tracker#EUR> (дата обращения: 31.07.2020).

- IOM. (2020) IOM's Displacement Tracking Matrix (DTM). Режим доступа: <https://dtm.iom.int/> (дата обращения: 31.07.2020).
- Ito K. (2017) Remittances and the Dutch Disease: Evidence from the Republic of Moldova // *International Economic Journal*. Vol. 31. No. 3. P. 462–469.
- Kartseva M., Kuznetsova P. (2020) The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? // *Population and Economics*. Vol. 4. No. 2. P. 26–33.
- ММС. (2020) Quarterly Mixed Migration Update: Latin America and the Caribbean. Режим доступа: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/qmmu-q1-2020-lac.pdf> (дата обращения: 31.07.2020).
- NBG. (2020) National Bank of Georgia. Money transfers. Режим доступа: <https://www.nbg.gov.ge/index.php?m=728&lng=eng> (дата обращения: 31.07.2020).
- O'Hara S., Ivlevs A., Gentile M. (2009) The Impact of Global Economic Crisis on Remittances in the Commonwealth of Independent States. *Eurasian Geography and Economics*. Vol. 50. No. 4. P. 447–463.
- Ralev R. (2020) World Bank expects Serbia's economy to shrink by 0.5% in 2020 // *SeeNews*. Режим доступа: <https://seenews.com/news/world-bank-expects-serbias-economy-to-shrink-by-05-in-2020-694398> (дата обращения: 01.05.2020).
- UN. (2020) COVID-19: impact could cause equivalent of 195 million job losses // *UN News*. Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2020/04/1061322> (дата обращения: 31.07.2020).
- Vinokurov E., Levenkov A., Vasiliev G. (2020) Global Financial Safety Net in Eurasia: Accessibility of Macroeconomic Stabilization Financing in Armenia, Belarus, Kyrgyzstan, and Tajikistan. *EFSD, WP/20/2*.
- World Bank. (2019c) *Migration and Remittances: Bilateral Remittance Matrix 2018*.
- World Bank. (2020a) *Migration and Development Brief. COVID-19 Crisis: Through a Migration Lens*, Washington, DC: World Bank.
- World Bank. (2020b) *Western Balkans regular economic report No. 17: The Economic and Social Impact of COVID-19*, Washington, DC: World Bank.
- World Bank. (2020c) *World Bank Group's Operational Response to COVID-19 (coronavirus)*. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/about/what-we-do/brief/world-bank-group-operational-response-covid-19-coronavirus-projects-list> (дата обращения: 31.07.2020).

The Impact of the COVID-19 Pandemic: The Case of Remittance Recipient Countries¹

K. Bondarenko

Ksenia Bondarenko – Economist, Global Markets Research, ANCOR Hi-Tech, LLC; 19 Leninskaya Sloboda Ulitsa, Moscow, 115280, Russian Federation; Visiting scholar, PhD student, School of World Economy, National Research University Higher School of Economics; 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, 101000, Russian Federation; E-mail: xenabondarenko@gmail.com

Abstract

The advent of the new coronavirus hinders the fragile welfare of migrant workers. Those economic sectors with a large migrant workforce appear to be those hit hardest during the lockdown, resulting in surge in migrant unemployment and a plunge in the volume of remittances. This has become yet another factor putting pressure on the gross domestic product (GDP) growth, balance of payments, and budgets of countries that are net remittance recipients, while also triggering rising poverty levels.

This paper evaluates the impact of the current pandemic (and respective economic downturn) on remittance inflows to recipient countries and tackles the potential contribution that international financial institutions could make to alleviate the adverse economic aftermath. In Central Asia and Southern Caucasus (except Azerbaijan) emergency financing granted by the International Monetary Fund (IMF) and the World Bank covers 9–20% of the overall size of the annual remittances received. This financial support could be rendered insufficient due to the sharp decrease in the volume of remittances, decline in tourism revenue, and weakening economic activity, while the poor quality of state institutions may hinder the efficient distribution of accumulated resources.

In Europe, the IMF and the World Bank provided approximately \$7.7 billion in financing to low- and middle-income countries for such purposes as economic stabilization, support for population welfare, and financing of internal/external deficit, of which \$5 billion is represented by the new Ukraine-IMF Stand-By Agreement. With the exception of Ukraine, Macedonia, and Bulgaria (the latter having received no loans/grants so far), the cover index for European remittance-recipients stands within a range of 2–18% over 2019 remittance inflows.

Therefore, it is most feasible that the current 2020 GDP growth forecasts made by the IMF, the World Bank, and local governments are inaccurate in the light of the insufficient financial support provided by international financial organizations. Additional pressure on the GDP figures might stem from further extension and/or toughening of the lockdown period, as well as from uncertainty regarding the revival of regular business activity and the timeline for resuming migrant remittances.

Key words: migration; remittances; macroeconomics; coronavirus; foreign aid; EAEU; Uzbekistan; Europe

For citation: Bondarenko K. (2020) The Impact of the COVID-19 Pandemic: The Case of Remittance Recipient Countries. *International Organisations Research Journal*, vol. 15, no 3, pp. 109–128 (in English). DOI: 10.17323/1996-7845-2020-03-04

References

Abiad A., Arao R.M., Dagli S., Ferrarini B., Noy I., Osewe P., Pagaduan J., Park D., Platitas R. (2020) *The Economic Impact of the COVID-19 Outbreak on Developing Asia*. ADB Brief, Asian Development Bank. Available at: <http://dx.doi.org/10.22617/BRF200096>.

Adams-Prassl A., Boneva T., Golin M., Rauh C. (2020) Inequality in the Impact of the Coronavirus Shock: Evidence From Real Time Surveys. *IZA Discussion Paper*, Institute of Labor Economics, Deutsche Post Stif-

¹ The author would like to thank Dr. Leonid Grigoryev, Dr. Marina Larionova, Dr. Maksim Rudakov and the editors of “International Organisations Research Journal” for their comments, advice and support.

tung. Available at: <https://www.iza.org/publications/dp/13183/inequality-in-the-impact-of-the-coronavirus-shock-evidence-from-real-time-surveys> (accessed 3 September 2020).

ADB. (2020) *Asian Development Outlook (ADO): What Drives Innovation in Asia?* N.Y.: ABD.

Bakozoda Kh. (2019) *Do 70% naseleniya Tadjikistana zhitvat za schet perezvodov trudovykh migrantov* [Up to 70% of Tajikistani population are living off remittances]. Available at: <https://rus.ozodi.org/a/30214025.html> (accessed 2 May 2020).

Bank of Russia. (2020) *Cross-border Transfers of Individuals*. Available at: http://www.cbr.ru/statistics/macro_itm/svs/#a_71460 (accessed 7 December 2020).

Barro R.J., Ursúa J.F., Weng J. (2020) *The coronavirus and the great influenza pandemic: Lessons from the “spanish flu” for the coronavirus’s potential effects on mortality and economic activity*. National Bureau of Economic Research, no w26866.

Brownbridge M., Canagarajah S. (2010) Remittances and the macroeconomic impact of the global economic crisis in the Kyrgyz Republic and Tajikistan. *China and Eurasia Forum Quarterly*, vol. 8, no 4, pp. 3–9.

CBU. (2020) *Obzor denezhno-kreditnoi politiki za I kvartal 2020 goda* [The review of monetary policy in Uzbekistan, 1 quarter 2020]. Tashkent: The Central Bank of the Republic of Uzbekistan.

CCSA. (2020) *How COVID-19 is changing the world: a statistical perspective*, N.Y.: UNCTAD.

Chepel C., Bondarenko K. (2015) Is the External Labor Migration an Economic Growth Factor: Econometric Analysis and Policy Implications for the CIS Countries. *Journal of the New Economic Association*, vol. 4, no 28, pp. 142–166.

Cohen J. (2020) Modeling Migration, Insecurity and COVID-19. *Migration Letters*, vol. 17, no 3, pp. 405–409.

Duarte R., Furtado I., Sousa L., Carvalho C.F.A. (2020) The 2019 novel coronavirus (2019-nCoV): novel virus, old challenges. *Acta Médica Portuguesa*, vol. 33, no 3, pp. 155–157.

Grigor’ev L., Brilliantova V., Pavlyushina V. (2018) Eurasian Economic Union: Achievement and Challenges of Integration. *The World of New Economy*, vol. 4.

Grigoryev L., Pavlyushina V., Kulaeva N., Muzychenko E. (2019) Economy of Georgia: Fragile economic stability. *Voprosy Ekonomiki*, vol. 10, pp. 64–84.

Grigoryev L., Pavlyushina V., Muzychenko E. (2020) The fall into 2020 recession... *Voprosy Ekonomiki*, vol. 5, pp. 5–24.

IMF. (2018) The Republic of Uzbekistan. External Sector Statistics Mission Report. *IMF Country Report* no 20/193. Washington. Available at: <https://www.imf.org/ru/Publications/CR/Issues/2020/06/09/Republic-of-Uzbekistan-Technical-Assistance-Report-External-Sector-Statistics-Mission-49495> (accessed 30 July 2020).

IMF. (2019) *Montenegro: 2019 Article IV Consultation-Press Release*. Washington, DC: IMF.

IMF. (2020a) *World Economic Outlook, April 2020: The Great Lockdown*. Washington, DC: IMF.

IMF. (2020b) *Countries Receiving Emergency Financing and Debt Relief*. Available at: <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/COVID-Lending-Tracker#EUR> (accessed 31 May July 2020).

IOM. (2020) *IOM’s Displacement Tracking Matrix (DTM)*. Available at: <https://dtm.iom.int/> (accessed 10 May 2020).

Ito K. (2017) Remittances and the Dutch Disease: Evidence from the Republic of Moldova. *International Economic Journal*, vol. 31, no 3, pp. 462–469.

Kartseva M., Kuznetsova P. (2020) The economic consequences of the coronavirus pandemic: which groups will suffer more in terms of loss of employment and income? *Population and Economics*, vol. 4, no 2, pp. 26–33.

Manasserian T. (2019) Issues of Economic Growth and Migration in Armenia in the Context of Membership in the EAEU. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, vol. 1, pp. 51–60.

MMC. (2020) *Quarterly Mixed Migration Update: Latin America and the Caribbean*. Available at: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/qmmu-q1-2020-lac.pdf> (accessed 10 31 May July 2020).

- Mukomel V. (2020) Highly skilled migrants from post-soviet states: labor mobility. *Sociological Journal*, vol. 26, no 2, pp. 31–59.
- NBG. (2020) *National Bank of Georgia. Money transfers*. Available at: <https://www.nbg.gov.ge/index.php?m=728&lng=eng> (accessed 10 May 2020).
- NBKR. (2020) *Remittances of individuals made through the money transfer system*. Available at: <https://www.nbkr.kg/index1.jsp?item=1785&lang=RUS> (accessed 10 May 2020).
- O'Hara S., Ivlevs A., Gentile M. (2009) The Impact of Global Economic Crisis on Remittances in the Commonwealth of Independent States. *Eurasian Geography and Economics*, vol. 50, no 4, pp. 447–463.
- Ralev R. (2020) World Bank expects Serbia's economy to shrink by 0.5% in 2020. *SeeNews*. Available at: <https://seenews.com/news/world-bank-expects-serbias-economy-to-shrink-by-05-in-2020-694398> (accessed 1 May 2020).
- UN. (2020) COVID-19: impact could cause equivalent of 195 million job losses. *UN News*. Available at: <https://news.un.org/en/story/2020/04/1061322> (accessed 10 May 2020).
- Varshaver E. (2020) Polozheniye inostrannykh trudovykh migrantov v Rossii vo vremya pandemii koronavirusa. [The situation of foreign labor migrants in Russia during the coronavirus pandemic]. *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development], no 20 (122). Available at: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_20-122_July.pdf (accessed 1 May 2020).
- Vinokurov E., Levenkov A., Vasiliev G. (2020) Global Financial Safety Net in Eurasia: Accessibility of Macroeconomic Stabilization Financing in Armenia, Belarus, Kyrgyzstan, and Tajikistan. *EFSD*, WP/20/2.
- World Bank. (2019) *Migration and Remittances: Bilateral Remittance Matrix 2018*.
- World Bank. (2019a) *Tajikistan-World Bank Group Country Partnership Framework 2019–2023*. Washington, DC: World Bank. (in Russian). Available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/tajikistan/publication/cpf-2019-2023> (accessed 1 May 2020).
- World Bank. (2019b) *Uzbekistan: Toward a New, More Open Economy*. N.Y.: World Bank. (in Russian). Available at: <https://www.worldbank.org/en/country/uzbekistan/publication/economic-update-summer-2019> (accessed 1 May 2020).
- World Bank. (2020a) *Migration and Development Brief: COVID-19 Crisis: Through a Migration Lens*. Washington, DC: World Bank.
- World Bank. (2020b) *Western Balkans regular economic report no 17: The Economic and Social Impact of COVID-19*. Washington, DC: World Bank.
- World Bank. (2020c) *World Bank Group's Operational Response to COVID-19 (coronavirus)*. Available at: <https://www.worldbank.org/en/about/what-we-do/brief/world-bank-group-operational-response-covid-19-coronavirus-projects-list> (accessed 31 July 2020).